

Матушка приносит в горницу ведро воды. Андрей Грунтовский высказывает предположение, что «вода, разумеется, не для опары принесена, а для омовения». Но для нас здесь возникает вопрос: для чего могла использоваться вода, набранная в ночное время. Ведь по народным поверьям, ходить ночью за водой категорически запрещено, это то самое время, когда вода становится нечистой и обретает отрицательные магические свойства: «...широко известный запрет ходить за водой ночью мотивировался тем, что в ночное время вся вода в источниках оказывается «нечистой», что в ней «дьяволы купаются» и т.п. По сербским поверьям, набранная ночью вода, безусловно, нечистая, не годится пить такую воду. Кроме того, в «ночной воде» (т.е. принесённой в дом ночью), по представлениям белорусов, нельзя купать младенца и стирать его пелёнки, иначе на ребёнка «нападут ночницы». Вообще тёмное время суток (как и темнота во время солнечного затмения), согласно народным представлениям, негативно воздействовало на качество воды, набранной в такие моменты. После захода солнца не принято было ходить за водой, и уж, во всяком случае, такую воду не использовали для питья или для купания младенцев. Исключение составляют праздничные дни, «когда – как считалось – в полночь происходит чудесные превращения с водой, она якобы сама собой очищалась в источниках, становилась здоровой, целебной, сильной либо превращалась на короткий миг в вино, кровь, молоко или золото. Именно перелом суточного или сезонного времени воспринимался как момент радикальных перемен в природе, как время чудесных превращений с водой. Поэтому в праздничные дни за водой ходили в полночь, на рассвете, до восхода солнца».

Думается, найти и указать причину (если это вообще возможно), по которой матушка ночью пошла за водой, не столь важно. Существенно другое: необычность и неоднозначность самого действия, наделяемого в народных представлениях мистическим смыслом. Молчание матушки также переводит событие из обычного мирского измерения в область таинственного, ведь «молчание – форма ритуального поведения, соотносимая со смертью и сферой потустороннего», более того, «отказ от речи часто выявляет принадлежность некоего лица к потустороннему миру и сверхъестественным силам».

Сакральный смысл художественных образов ночной воды и молчания подтверждает справедливость утверждения исследователей творчества Рубцова, что поэтическое действие стихотворения «В горнице» совершается не в обыденной реальности, но на границе с тем светом. При этом тот свет и этот оказываются едиными.

Матушка переступает временную границу, является из мира усопших, но её приход никак не нарушает тишины и покоя светлой горницы. Ничто не тревожит лирического героя, ничто не угнетает, как, например, в стихотворении «Памяти матери»:

*Вот он и кончился, покой!  
Взметая снег, завыва вьюга.  
Завыли волки за рекой  
Во мраке пуга.*

*Сижу среди своих стихов,  
Бумаг и хлама.  
А где-то есть во мгле снегов  
Могила мамы.*

*Там поле, небо и стога,  
Хочу туда, – о, километры!  
Меня ведь сваяли с ног снега,  
Сведут с ума ночные ветры!*

*Но я смогу, но я смогу  
По доброй воле  
Пробить дорогу сквозь пургу  
В зверином поле!..*

*Кто там стучит?  
Уйдите прочь!  
Я завтра жду гостей заветных...*

*А может, мама?  
Может, ночь –  
Ночные ветры?*  
В этом стихотворении чётко вырисовывается картина двоемирия: существует пристанище живых – комната лирического героя, а где-то далеко, во мгле снегов, простирается царство усопших – кладбище. Этот и тот свет направлены друг к другу: с одной стороны, лирический герой стремится «по доброй воле» навестить родную могилу, а с другой – сама матушка стучится в дом. Покой кончился не из-за смутных видений, пугающих звуков, но именно из-за трагической разобщённости двух миров. Ночная пурга, прелящаяся желанной встрече, сродни дьявольскому наваждению: «Меня ведь сваяли с ног снега, / Сведут с ума ночные ветры!». Не случайно в народе «...опустошительные бури и зимние вьюги почитались порождением нечистой силы – рыщущими по полям бесами».

Пространственно-временные координаты стихотворения «В горнице», напротив, образуют идеальное царство, существующее обособленно, вне линейных законов земного времени. Противоречие между невидимым, идеальным миром и реальностью оказывается полностью разрешённым благодаря символической многомерности стихотворения. Горница, матушка, звезда,

*Всё мне помнится  
Сумрак вечера,  
Тесной горенки  
Стены тёмные.*

*Огонёк горел  
Перед образом,  
Как теперь горит  
Эта звёздочка.*

*На груди моей  
Милой матушки*



## Что происходит в горнице?

*Из книги «Лирика Николая Рубцова в контексте русской народной традиции»*

*Я дремал, и мне  
Песни слышались.*

*Были песни те  
Звуки райские,  
Неземная жизнь  
От них веяла!..*

*И тогда сквозь сон  
Всё мне виделся  
Яркий блеск и свет  
В тёмной горенке.*

*Не от этого ль  
Так мне весело  
Слушать в сумерки  
Леса музыку,*

*Что при ней одной  
Детство помнится,  
Безотрадный день  
Забывается?*

Никитин прямо сравнивает песню матушки с райскими звуками, «яркий блеск и свет» в тёмной горенке, мерцание лампыды перед иконой, похожей на свет звёздочки, матушка – всё навевает лирическому герою ощущение неземной жизни. Это ощущение можно назвать вечным, оно повторяется вновь и вновь, когда звучит на закате дня таинственная «музыка леса». Художественные описания в стихотворениях Ивана Никитина и Николая Рубцова во многом перекликаются: действие происходит в ночное время, «сквозь сон»; в полутёмной горенке Никитина горит звёздочка лампыды, в горнице Рубцова светло от ночной звезды, при этом на стене дремлет «ивы кружевная тень».

Если стихотворение Рубцова устремлено в будущее («буду до ночной звезды / лодку мастерить себе»), то взгляд Никитина обращён к прошлому («детство помнится»). Детское воспоминание преображает «безотрадный день», два мира – идеальный и реальный – оказываются едиными.

Ощущение соприсутствия божественного мира передаётся двояким образом: как трагическая разобщённость между земным и небесным миром, с одной стороны, и как их духовная цельность – с другой.

Герой волшебных сказок отправляется на поиски чудесного тридевятого царства, тридесатого государства, которое оказывается мифическим царством мёртвых. В стихотворениях Николая Рубцо-

ва лирический герой точно так же жelaет пересечь границу обыденности, устремляясь к далёкому и неведомому миру. Сквозь пургу и ночные ветры он мечтает попасть на могилу матери или, например, – в другом стихотворении – жаждет найти таинственные зелёные цветы на белых стеблях, увидеть которые, хотя они и не существуют в земной реальности, стало для него неиссякаемой душевной потребностью:

*Остановившись  
в медленном пути,  
Смотрю, как день,  
изгря, расцветает.  
Но даже здесь...  
Чего-то не хватает...  
Недостаёт того,  
что не найти.*

*Как не найти  
поэзаснувшей звезды.  
Как никогда, бродя  
цветущей степью,  
Меж белых листьев  
и на белых стеблях  
Мне не найти  
зелёные цветы...*

Идеальность мира в народном поэтическом творчестве предполагает возможность такой полностью жизни, когда зелёные цветы не только вырастут, но окажутся близкими и доступными для человека, ищущего их. «Вот в этом, можно сказать, четвёртом измерении, – писал о Николае Рубцове Роберт Ви-

нонен, – коренится его своеобразие и его значение для поэзии наших дней. Он не искал для своих стихов совсем уж необыкновенного слова. Но и в том, что ему удалось сказать, чувствуется знание какой-то невидимой в быту границы, за которой угадывается нечто нравственно незыблемое, где обрываются большие и малые неправды и обиды. Остаётся лишь Добро, безгрешность и святость...».

Иной мир стихотворения Рубцова «В горнице» так же, как и в сказке, соответствует царству мёртвых, чудесному инобытию, которое, однако, следует отличать от полного небытия. Без этого важного уточнения наше представление о художественных особенностях стихотворения будет неполным.

В волшебных сказках прослеживается разделение мёртвых на сухих в инобытии и ушедших в небытие. Если из инобытия умершие могут не только подавать определённые сигналы, но даже вернуться, пройти путь в обратную сторону, как, например, в сказке «Жена-покойница», то для небытия характерно полное и окончательное уничтожение: так исчезает, рассыпаясь в прах, нечистая сила, если её окропит святой водой (сказка «Упырь»). Герой волшебной сказки стремится попасть именно в инобытие – в тридевятое царство, тридесатое государство, для этого, однако, он должен внутренне или внешне измениться. По наблюдению О.Г. Щербининой, переходным мостом из одного мира в другой нередко служит чудесный сон. «Сновидения воспринимались в древности как реальный потусторонний мир, куда на время отправляется спящий. Не удивительно, что для отправки на тот свет герою нужно заснуть. А потом опять послать, пройдя в обратном направлении». Так проявляются скрытое значение сказочных формул: «Ложись-ка спать, утро вечера мудренее», «Ты сперва напой-накорми, да спать уложи, потом и выпрашивай!».

Если мы обратимся к первому варианту стихотворения, то заметим, что автор прежде всего описывает своё ночное сновидение. Первый вариант стихотворения так и назывался: «В звёздную ночь». Единство прошлого и настоящего претворяется здесь в чудесном сне, оживляющем «тысячи безвестных лет». В этой иной реальности, окутанной

сном, лирический герой обращается к матушке с вопросом:

*– Матушка,  
который час?  
Что же ты  
уходишь прочь?  
Помнишь ли,  
в который раз  
Светит нам  
земная ночь?*

Но матушка, как в первом, так и во втором варианте стихотворения, ничего не отвечает. Близость смерти ощущается по сгущению тишины, которая является прообразом запредельной божественной тишины, отображением той вечной тишины, что ждёт нас, «по молчанию людей, как будто хранящих какую-то невыразимую тайну».

Подчеркнём, что смерть в народном восприятии не равна состоянию небытия. Мир усопших вечно жив, это – инобытие, которому лирический герой оказывается сопричастным благодаря сну. Так же, как и в волшебной сказке, сон служит переходным мостом между разными измерениями:

*Сколько же в моей дали  
Радостей пропало, бéd?  
Словно бы при мне прошли  
Тысячи безвестных лет.*

*Словно бы я слышу звон  
Вымерших пасхальных сёл...  
Сон, сон, сон  
Тихо затуманил всё...*

Происходит смысловое сближение темы смерти и главного христианского праздника – Воскресения Христова. Несмотря на то, что сёла давно вымерли, пасхальный звон церковей слышен так же явственно, как и тысячу лет назад. Временный свет «земной ночи» соединяется с праздником Вечного Воскресения.

Такое сближение является не единственным, но постоянным и закономерным явлением в лирике Николая Рубцова. Например, в стихотворении «Конеч» завершение жизни также связано с пасхальными образами весны и колокольного звона:

*Смерть приближалась,  
приближалась,  
Совсем приблизилась уже –  
Старушка к старику прижалась,  
И просветлело на душе!*

*Легко, легко, как дух весенний,  
Жизнь пролетела перед ней,  
Ручьи казались, воскресенье,  
И свет, и звон пасхальных дней...*

Кладбище, могилы которого пребывают в состоянии сна, приравниваются к временному пристанищу, к переходному «пункту» в инобытие. Так возникает представление, а то и ощущение, что миры живых и усопших разделяет некоторая граница: пространство спящих могил. В черновом варианте стихотворения «Конеч» сохранились такие строки:

*А он, взволнованный и юный,  
Как веселился! Как любил!  
Как за оградой чуунойной  
Покоил сон родных могил!*

Как герой волшебной сказки, засыпая, переступает из одной реальности в другую, так и в стихотворениях Рубцова чудесный сон, окутывая земной простор, раскрывает иное, существующее вечно царство.

Сохранилось воспоминание поэта Сергея Багрова о том, как Николай Михайлович распевал своё стихотворение «В звёздную ночь»: «Долго сидели мы так, отдыхая. Потом Николай поднялся. Взглянул в окно на покрытую снегом реку и запел <...>. Голос Рубцова пыл на спокойной задумчивой ноте. Я забылся, что я за столом. Песня схватила меня за самое сердце и понесла куда-то сквозь стены дома, и я разглядел большое село над рекой с белокаменной колокольной, откуда звонил и звонил старолицый звонарь. Былое смешалось с сегодняшним, было грустно, но и отрадно, как на вокзале или на пристани, когда уезжает кто-то из близких, однако твой друг остаётся с тобой и снова споёт тебе лучшую песню».

Ощущение нездешнего мира связано с грустью, но грустью особого рода – светлой, зовущей в неведомую даль.

Анастасия ЧЕРНОВА

Вологодский писатель Дмитрий Ермаков продолжает развивать призванный им жанр повесть-отзвук. Его новая книга «От земли. Василий Шукшин» (Саратов, 2024) является, как указано в её аннотации, своеобразным продолжением книги «От земли. Василий Белов» (Вологда, 2022). У книг сходные названия, стиль обложек тоже совпадает, хотя и изданы книги в разных городах. Совпадают и имена героев, но главное – два Василия Белов и Шукшин сотрудничали, дружили, их взгляды на жизнь и творчество во многом совпадали. И действительно, оба они – от земли и по происхождению, и по духу.

Насколько мне известно, сейчас в работе у Дмитрия Ермакова повесть об ещё одном славном пи-



Человек выпадает из своей... материальной обыденности, чьё обаяние условно, становясь персонажем прозы: многонасыщенной, разнообразно-музыкальной прозы Игоря Михайлова; человек выпадает из заурядности своей повседневности, чтобы, заняв всего абзац – за счёт особой ёмкости и онтологичности оного, – стать живой и вечной единцей подлинной прозы:

*«Фотограф выискивает нужный ракурс. Ради ракурса он готов вывалиться из машины, забежать вперед, провалиться сквозь землю и воспарить на манер воздушного шарика над суетой, а после, мерзостно запищав, вернуться в салон».*

Чудо творится писателем на уровне фразы, совмещающей стыковую силой метафизику бытования на земле, фантазию – с мерзостным писком, в данном случае – иронию, вовсе не исключающую добродушного отношения к людям: малым сим...

А кто не таков?

Всеим умирать...

Все... до определённой степени дети, забытые в переогромленных вавилонских Ашанах.

Персонажей много в рассказах Игоря Михайлова.

Они струсят, взлетают детскими воздушными шариками, волочутся по земле; они придавлены к ней рас-

Книга «Так это было...» (Волегов И.К., Кучина Г.И. Книга воспоминаний Игнатия Волегова, изданная его дочерью Галиной Кучиной. – Редактор-составитель Р.В. Лютая. – Воронеж, 2024) совершила со мной путешествие на берега Невы и обратно. Читала её, в основном, в самолете, на высоте одиннадцати километров. Как говорится, так звёзды встали...

Сразу подкупает язык: спокойный, волный, классический. Я читала немало книг эмигрантов первой волны. Язык – это главное их отличие, метка судьбы и эпохи. В нем все: и сила духа, и боль невосполнимой утраты, и вызов судьбе. И любовь. Любовь к своей Родине, несмотря ни на что. Когда Родина – на всю жизнь одна. И всегда – с большой буквы. Более того: эта любовь передается по наследству.

«Почему я так беззаветно люблю Россию? Это тайна, на которую я на протяжении нескольких лет пыталась найти ответ», – пишет дочь Волегова Галина Игнатьевна Кучина, родившаяся в Китае. Вся жизнь её прошла в Австралии, но сердцем она – в России. Объясняет она сама этот феномен просто: своей любовью к отцу, истинному русскому патриоту. Отсюда – интереснейшая и трогательная стереофония книги: в голос отца вплетается голос дочери, а затем и внуки, которые ясно чувствуют свои русские корни и сердечную тягу к стране, где никогда не были.

«Только недавно я поняла, почему книга моего отца получила такой ре-

Не хочется опять о грустном... Но в случае с романом Анатолия Подольского «Послевкусие» – по-другому как-то совсем и не получается.

Поэтом – снова о знакомом. Когда сербских писателей спрашивают: «Почему так мало книг о натовских бомбёжках Югославии? Когда ждаты?» – традиционно получают ответ: «Тот период стал национальной бедой, трагедией... и позором. Должно пройти время! Для начала – нам бы самим разобраться, с тем, что произошло. А уж потом делиться с читателями...».

Для Российской Федерации вот эти самым позором – кровавым, злопечив, запредельно антигуманным! – стали 90-е годы прошлого века. Даже самые оголтелые проводники вражеских интересов, ненавидящие всё, что связано с Россией как таковой, – и то просто чисто физически не могут нацедить в себе столько желчи и откровенной наглости, чтобы оспорить данное утверждение.

Хотя и тут можно наблюдать очевидное «пробитое дно»: кто-то там совсем уж отбитый, по жуткому беспределу попытался дать тем гипермутным временам термин «святые девяностые». Но видно понял, что с подобной инферальной ужимкой нужно завязывать. Как и с бесконтрольным приёмом мухоморов да прочих «выносящих мозг» веществ. Потому и не настаивает более на столь чудовищном определении.

Но, увы, «новый сербский синдром» работает до сих пор. В том числе и в России. Писатели испыты-

вают просто-таки хтонический ужас при попытках осмыслить «тёмные годы» в новейшей российской истории. Ну, разве что пытаются живописать отдельные фрагментики да «кузие темки» из того разнуданного периода: вот жёсткие разборки братьев, вот спившийся инженер, вот разрыв отношений в отдельном межнациональном браке, вот романтические грёзы подавшей в сексработницы пёззушницы...

А вот так, чтобы к самым корням, к истокам подобраться – ну, как так всё же произошло? что, неужели весь мир сошёл с ума?! – тут и поныне упорно держится фигура умолчания.

Да, скудную цифирь отчётов можно отыскать, если сильно покопаться: ваучеры, залоговые аукционы, приватизация за полпроцента от реальной стоимости, разгром ведущих производств и градообразующих предприятий. Но звучит это всё слишком уж абстрактно, особенно для непрофессионалов – ну прямо как из голливудского фантастического боевика: бластеры, теплепортаторы, аннигиляторы... Тыфу, ничего не понятно!

Потому и столь ценны реальные документальные свидетельства, что называется – «из первых рук».

...Анатолий Подольский родился в 1953 году. И к началу громогласно оглашённой Перестройки да переходу к дикому необузданному капитализму – уже имел за плечами законченное инженерно-экономическое образование в Марийском политехническом институте. И получение специальности «экономика и организация производства». Так что успел



при советской власти много чего производственного организовать. А тут – Михаил Сергеевич Горбачёв, со своим странным «мышлением» – харизматично предлагает всё поменять да «углубить» происходившие в стране экономические процессы.

Автору оставалось одно из двух: либо отойти в сторону (традиционно занявшись пасекой, как, например, не раз случалось в новой российской истории). Или тяжело вздохнуть... да и прыгнуть, не раздумывая, в студёную прорубь постсоветского экономического строительства. В том числе и в самый что ни на есть

опасный загон данного ада – в сферу финансов.

Ну а дальше – уже ангел-хранитель очень сильно постарался, чтобы выжить в таких условиях. Потому как никакие высокие душевные качества (в том числе талант писателя) не имеют значения, когда начинает «пахнуть деньгой». Сколько примеров известно, как безобидных кабинетных учёных, пытавшихся разобраться, что же наворотили «новые финансисты-экономисты», похищали бандиты – требуя то выкуп, то переписать на них некие активы... Второе – куда чаще. Разъяснить

## Горькое послевкусие

*О романе Анатолия Подольского*

финансовую ситуацию в стране не просили – в этой мутной воде, насыщенной кроважно-ненасытными пираньями, большинство теоретических знаний вполне заменялись быисобольной битой.

Тяжело пережить такое, имею тонкую душевную организацию. Но зато теперь автор знает не понаслышке обо всём том, что творилось при задрочно-бравурном разграблении и растаскивании некогда великой мировой державы. Тут его можно считать одним из немногих экспертов – свидетелей, кому удалось выжить в ту короткую, но смурную эпоху.

Ожидаемо... не вынесла душа поэта... и прозаика – советский экономист Анатолий Анатольевич Подольский резко отошёл в сторону ото всех потенциально прибыльных финансовых начинаний (решительно откರೆстившись от необходимых в данном случае махинаций). И уединился для художественного осмысления произошедшего – с собой и со страной...

Не хочется пересказывать сюжет романа – спойлеры во все времена не в чести. Предоставлю читателю законное право самому сделать вывод о достоинствах данной авторской работы. Разве что рискну в общих чертах обрисовать задумку «Послевкусия» – чтобы легче было определиться, стоит ли читать данный труд.